

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Чупрова И.А., Глаголев В.С. Художественное творчество в культурной дипломатии: возможности и границы // Философия и культура. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.6.70644 EDN: AXUKUW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70644

**Художественное творчество в культурной дипломатии:
возможности и границы****Чупрова Ирина Александровна**

ORCID: 0000-0002-6667-1136

кандидат философских наук

старший преподаватель; кафедра философии им. А.Ф. Шишкина; Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, Россия, г. Москва, Вернадского, 76

ir.a.chuprova@my.mgimo.ru

Глаголев Владимир Сергеевич

ORCID: 0000-0003-1480-5152

доктор философских наук

профессор, кафедра культурологии и религиоведения, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

163002, Россия, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 17

kfmgimo@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия и искусство"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2024.6.70644

EDN:

AXUKUW

Дата направления статьи в редакцию:

03-05-2024

Дата публикации:

31-05-2024

Аннотация. предметом исследования является смысловое наполнение культурной дипломатии. Актуальность обращения к данной теме определяется спецификой современного этапа развития международных отношений, когда культурная дипломатия оказалась в ситуации резко сузившихся возможностей на фоне активизации контрпродуктивных стратегий «культуры отмены». Цель работы — проследить особенности раскрытия ценностей и смыслов периода новейшей социокультурной турбулентности. Задачами исследования являются 1) уточнить характер отношения представителей творческих профессий к политическим и идеологическим реалиям времени; 2) выделить различие между дилеммами «политическое / неполитическое» и «официальное / неофициальное»; 3) установить значение каждой из частей указанных дилемм в решении задач культурной дипломатии; 4) проследить теоретические и практические подходы к составляющим этих дилемм со стороны представителей художественной культуры в свете парадигмы смыслополагания как ключевой ценности культуры; 5) определить возможности и границы взаимодействия представителей творческих профессий с политическим контекстом их деятельности. Методология исследования основывается на комплексном подходе, опирающемся на данные истории культуры, культурной антропологии, политической психологии в рамках теории межкультурной коммуникации. В качестве ключевого метода использован категориальный анализ, а также дискурс-анализ, позволяющий проследить блоки ценностных предпочтений с учетом особенностей текущих историко-культурных процессов. Новизна исследования заключается в определении возможностей и границ развития культурных контактов в эпоху текущей турбулентности (прежде всего, политической), когда на фоне активизации «культуры отмены» сокращаются возможности подобных взаимодействий. В результате обоснован вывод о наличии нескольких ключевых аспектов участия деятелей культуры в реализации стратегий культурной дипломатии. Подчеркнуто значение ценностного выбора художника, который не следует смешивать ни с вторжением идейных либо политических императивов в творческую лабораторию, ни с явной либо неявной аффилированностью с какими-либо политическими силами или институтами. Показано, что ценностный выбор связан с парадоксом сочетания политического и неполитического в процессе художественной коммуникации, что особенно важно при оценке перспектив сотрудничества с зарубежными партнерами в сфере культурной дипломатии. Полученные результаты представляют практический интерес для уточнения критериев мер государственной поддержки при выборе участников культурных обменов, организации программ мероприятий, продвигающих культуру РФ.

Ключевые слова:

искусство, культура, культурная антропология, культурная дипломатия, международные отношения, межкультурная коммуникация, смыслополагание, философия культуры, художник, ценности

Многообразие процессов, определяющих условия развития международных отношений, становится предметом исследовательского интереса представителей различных областей знания. Специфическое «звучание» вопросы и проблемы международных контактов обретают, будучи осмысленными сквозь призму философии культуры, где особое внимание уделяется «ценностям и смыслам» культурной динамики в контексте исторически конкретных условий «места и времени» [\[1, 2, 3, 4\]](#). Одним из актуальных исследовательских вопросов в этом случае становится вопрос о возможностях и

границах межкультурного взаимодействия в сфере искусства в условиях экономической, политической и социальной турбулентности [\[5, 6\]](#).

Не секрет, что культура, концентрирующая свои духовные поиски в искусстве, — деликатная область. В экстремуме «турбулентности» разного рода способны привести (и, к сожалению, нередко приводят) к попыткам разного рода «отмен» [\[7, 8\]](#). В то же время культурные контакты нередко демонстрируют удивительную стойкость художественной культуры по отношению к токсичным попыткам политизации ее неполитического содержания. Отметим, что даже в относительно «спокойные» периоды политической «погоды» отдельные творческие личности и коллективы находят возможным (или даже считают необходимым) выражать свою политическую позицию художественными высказываниями и / или персональными поступками, непосредственно связанными с их профессиональной деятельностью. Понятно, что в неспокойные периоды подобные высказывания и поступки приобретают еще большую частотность, а «чистое искусство» предстает маргинальной теорией, от которой в равной мере дистанцируются как представители творческого цеха, искренне разделяющие ценности «исходной» политической заряженности любого творчества, — так и те, кто выступает с позиций неизбежности лишь «вторичного» влияния политico-идеологических рамок на художественную культуру в целом. Дополнительные акценты вносит и сам факт присутствия в международном контексте: здесь просматривается дискуссия между теми, кто разделяет приверженность идеи неизбежно государственного «лица» искусства (в силу аффилиации со страной), — и теми, кто осознанно считает свою деятельность достаточно далекой как от официального, так и от неофициального (но вполне считываемого) аффилированного представительства.

Однако не будет большим преувеличением сказать, что *внешняя «политическая нагруженность»* — явление, неизбежное при выходе на выставочные и концертные площадки, тем более зарубежные, особенно массовые и особенно коммерчески успешные. Здесь «партийность», выделенная еще В. И. Лениным в известной статье 1905 г., лишь уточняет известный тезис: «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества» [\[9\]](#). Но верно и обратное: не всякое художественное высказывание обязано *внутренне* строиться по канонам политического. Подобное обязательство может приниматься или не приниматься самим художником, его нельзя «навязать» извне (хотя можно, например, запретить распространение результатов художественной деятельности, которая не совпадает с официально принятой идеологией). Причем связь с социальным и культурным контекстом в этом случае оказывается более сложной, чем связь с контекстом политическим. Художник творит для вечности, расширяя рамки настоящего времени (что в конечном итоге может быть интересно и полезно в том числе для политики), открывая (а возможно и конструируя) перспективу будущего. Именно поэтому государственный контроль за этой сферой в турбулентные периоды усиливается: таким образом государственный механизм стремится застраховать себя от возможных рисков «шатких», с его точки зрения, конструкций, способных влиять на образ желательного будущего. Тем не менее, обеспечение гражданской лояльности — особенно если речь идет о сфере международных контактов — предъявляет к артисту дополнительные требования, выходящие за рамки сугубо профессионального соответствия: нельзя представлять свою страну, если она не является для представляющего безусловной ценностью.

По нашему мнению, именно в ходе развития международных контактов в сфере искусства обнаруживает себя **парадокс сочетания политического и неполитического**, который может рассматриваться как спектр содержательных, организационных и иных

действий, связанных с ядром художественного творчества с одной стороны — и с коммуникативной средой его реализации с другой.

Апробированным путем действия данного парадокса на практике как раз и является культурная дипломатия [\[10, 11, 12\]](#). И хотя последняя рассматривает искусство в инструментальном ключе, ее потенциал по сохранению и продвижению культурного наследия может быть осмыслен в широком контексте налаживания культурных связей, а не только в утилитарной призме решения сугубо инструментальных задач. Неся в себе значительный коммуникативный потенциал, искусство (как один из универсальных языков общения) может способствовать выявлению условно вне-идеологических [\[13, с. 72\]](#) точек соприкосновения в поле международных контактов, продвижению участников международных отношений по пути взаимного понимания и налаживания устойчивых связей, способных выдержать неизбежно возникающие время от времени периоды турбулентности. Вместе с тем, разумеется, видится необходимым сохранять четкое понимание: возможности культурной дипломатии, «мягкой силы» (и искусства как одного из ее проявлений) в деле выстраивания межгосударственных контактов выступают именно как возможности, как условия для появления «пространства для общения», конструктивного диалога; рассчитывать видеть в искусстве и иных инструментах «мягкой силы» средство разрешения всех сложностей, возникающих в непростые периоды развития международных отношений, представляется излишним [\[14\]](#).

Интересно отметить: *работа со смыслом* как одна из граней проявляется, с одной стороны, в творческой работе музыкантов, художников, актеров и других представителей мира искусства, а, с другой стороны, все та же работа со смыслом присутствует в осмыслении услышанного, увиденного, прочитанного думающим слушателем, зрителем, читателем; подобные «двусторонние» усилия разворачивают многообразие форм смыслополагания. Возможность размышлять, вопрошать, удивляться, а может быть и не понимать (но благодаря непониманию стремиться понять) позволяет человеку (в данном случае и как исполнителю / автору, и как слушателю / зрителю / читателю, и как человеку вообще) обрести глубину, содержание собственного существования; существования, сопряженного с перспективой видения собственных границ (полное исчезновение которых, в силу конечности человека, по определению невозможно), и в то же время шанса эти границы расширить, преодолеть. Значимо в таком случае само усилие видеть и признавать в другом (в другом человеке, другой культуре, другой системе мировосприятия и т. д.) достойное, ценное, прекрасное. Подобная потребность видения, в свою очередь, может стать одним из путей к свободе (от собственных «центризмов», предрассудков, сознательных нежеланий прислушаться, подумать, вообще запретов в принципе замечать иное и т. п.) как в межличностном общении, так и в масштабе общения международного [\[15, 16\]](#).

Добавляя к сказанному, следует заметить, что своеобразие «мягкой силы» культурной дипломатии, многообразие ракурсов ее проявления в поле межкультурных контактов весьма серьезно прорабатываются в разнообразных научных исследованиях (от работ в области политологии и теории международных отношений до наработок этнопсихологии, имеджедологии и т. д.) [\[17, 18, 19\]](#). При этом особенно важно учитывать, что дипломатия как таковая имеет непосредственной целью продвижение национальных интересов в форме, выгодной сторонам-участникам переговорных процессов.

Национальное искусство, в таком случае, будучи одним из элементов «мягкой силы», видится одним из немногих средств, способных вместить существо множества аспектов

существования культуры, бытия ее смыслов, ценностей, парадоксов, разворачивающих многомерность проявлений значения, понимания в их полноте и цельности, без попыток искусственно «задавать» единственно правильные варианты. Такой гибкой способностью «озвучивать» различные смысловые линии подлинное искусство и вдохновляет на поиск самобытного взгляда на смысл и открывает дорогу к поиску вечных ценностей — которые, в отличие от политики и морали, искусство все еще ищет, часто далеко не уверенное в том, что нашло или находит. Простое созерцание и переживание увиденного и услышанного открывают сторонам межкультурного взаимодействия дорогу друг к другу, лежащую в стороне от прагматических целей дальнейшего сотрудничества в области экономики, политики и т. д. Таким образом, те или иные инициативы в пространстве межкультурного сотрудничества, ориентированные на эффективность, успешность, могут, в то же время, не исключать возможности более высокого целеполагания, а именно: необходимости сохранения открытости к диалогу даже при очень непростых сопутствующих обстоятельствах «большой политики», взаимоуважения участников переговорных процессов на межгосударственном уровне, предполагающего согласованность общего и особенного (искусство дипломатии как «искусство возможного» настроено именно на поиск этой согласованности).

Вместе с тем, особенное (а может быть и уникальное, единичное) отнюдь не поглощается, не нивелируется общим: ценность и отдельного, и общего при их взаимодействии выявляется как раз этим взаимодействием, оттеняющим разнообразие проявлений каждой стороны. Такое взаимное «познание» через диалог с другим, иным становится и самопознанием, подразумевающим возможность выбора, но, в то же время, несущим в себе и необходимость ответственности. «Чтобы получить какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого. Другой необходим для моего существования, также, впрочем, как и для моего самопознания. При этих условиях обнаружение моего внутреннего мира открывает мне в то же время и другого, как стоящую передо мной свободу, которая мыслит и желает “за” или “против” меня. Таким образом, открывается целый мир, который мы называем интерсубъективностью. В этом мире человек и решает, чем является он и чем являются другие» [\[20, с. 336\]](#). Наличие таких различных способов связи с многообразием образа мира и, в то же время, образом своей страны [\[21, 22\]](#) очень важно учитывать в периоды турбулентности, поскольку стремление видеть сложные многозначные процессы только с одной стороны (особенно придерживаясь лишь текущих, сиюминутных стабильностей или, еще хуже, нестабильностей) несет в себе риск исключить возможность сотрудничества как такового.

Таким образом, искусство может рассматриваться в качестве одного из способов, позволяющих разобраться в смысловой архитектонике действительности (как субъективного внутреннего мира носителя определенной культурной матрицы, так и объективированного внешнего мира, представляющего собой метиссаж проекций субъективных миров ее носителей). Тем самым мир искусства остается открытым для встречи множества подходов, не исключающих другие формы поиска истины (науку, религию и т.д.) и другие субъектности в форме других социокультурных моделей.

Своеобразная «сплавленность» современного искусства как высокопрофессиональной деятельности с переживанием непредзданного результата этой деятельности позволяет расширить спектр его воздействия на реципиентов не только в пространстве, но и во времени, особым образом переживаемых современной культурой [\[23\]](#). Подобная высокохудожественная «радиация», помимо прочего, указывает на сложность и глубину стоящих перед художником задач: здесь недостаточно «просто» быть профессионалом, как для организатора мероприятия недостаточно «просто» вычислить, разметить и

получить искомый результат воздействия на целевую аудиторию. Повторим: художник работает здесь и сейчас, но работает еще и для вечности. Поэтому еще более важным и ценным может оказаться результат, который не предвидел ни сам артист, ни организатор мероприятия. Вместе с тем, именно организатор несет свою меру ответственности за то, какой окажется дальнейшая судьба сделанного при его поддержке художественного «вклада» — будет ли этот вклад направлен на решение поставленных ранее политических задач или же окажется «в резерве» задач сугубо дипломатических. Третий, провальный, вариант — утрата инициативы в реализации сценария, предполагающего продвижение благоприятного образа своей страны на предлагаемом художественном материале и сейчас, и в будущем.

Культурная дипломатия с этой точки зрения обладает серьезным капиталом, значение которого со временем может раскрыть новые возможности. В искусстве всегда важен контекст, важна интерпретация, способность воспринимать, осмысливать, найти «изюминку». Кроме того, неповторимая индивидуальность художника не только раскрывает национальное богатство культуры в форме особенных переживаний и смыслов, но и развертывает уникальное своеобразие *вопросов к Другому* именно как Другому. Возможно, такие вопросы могут рассказать и о тебе, и об этом Другом намного больше, чем эмпирическая данность сегодняшних контр-агентов межкультурного взаимодействия в сфере культуры и искусства.

Как следствие, международные процессы в сфере культуры, и культурную дипломатию в частности, имеет смысл понимать как площадку, которая дает место «приросту» оригинального культурного капитала каждого из участников взаимодействия. Теоретические подходы к пониманию значимости этого прироста в дальнейшем конструктивном общении стран-партнеров позволяют более сбалансированно решать возникающие на практике задачи и разрешать неизбежные во всяком интенсивном общении проблемы.

Итак, в результате предпринятого исследования уточнены основные типы отношения творческой личности к включению ее профессиональной деятельности в рефлексивную и латентную международную политическую повестку. Показано, что дихотомия «политическое / неполитическое» оперирует противопоставлением внешних рамок и внутренних установок, определяющих направление художественного творчества. Если внешние рамки заданы самим участием в работе международных площадок, то внутренние критерии творчества имеют самостоятельное значение и могут как совпадать, так и не совпадать с внешними. В отличие от дихотомии «политическое / неполитическое», дихотомия «официальное / неофициальное» строится по принципу принятия той или иной аффилиации и определения необходимой меры лояльности требованиям, установленным аффилирующей стороной. Решение задач культурной дипломатии предполагает отрефлексированное участие в продвижении культурного бренда страны теми творческими силами, которые готовы раскрывать свой потенциал в рамках любой из позиций указанных дихотомий в любом их сочетании. Тем самым стратегии культурной дипломатии предполагают умение действовать, на упсакая горизонтов дальнейших перспектив (сотрудничества, взаимодействия и т. п.), находить возможности преодолевать факторы, ограничивающие условия для выстраивания продуктивного диалога даже при сохранении этих «негативных контекстов» (в силу их объективного присутствия и во внутренних, и во внешних политических реалиях), что позволяет работать по принципу конверсии «отмен». Возможности и границы взаимодействия представителей творческих профессий с политическим контекстом их деятельности, таким образом, определяются, прежде всего, их профессиональными

качествами, а также ценностным выбором, предполагающим сознательное участие в продвижении образа своей страны в качестве перспективного партнера конструктивного взаимодействия; тогда как мера ответственности «сопровождения» этих процессов со стороны акторов культурной дипломатии предполагает участие в поддержке и продвижении представителей творческого сообщества, ищащих своим искусством прежде всего тех самых «вечных ценностей и смыслов» — либо тех, чей сознательный выбор соответствует принципу уважения к политическим решениям, представляющим (по большей части) только политические интересы.

Библиография

1. Астафьева, О. Н. Коммуникативная модель культурной политики: конвенциональность и когерентность дискурсов и понятий // Культурная политика: от стратегии государства — к управлеченческим решениям организаций: Материалы Научно-методологического семинара «Культура и культурная политика» ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ (2020–2021 гг.). Выпуск 9. — М.: Издательство «Согласие», 2022. — С. 28–46.
2. Силантьева, М. В., Глаголев, В. С., Тарасов, Б. Н. Философия межкультурной коммуникации // Международные процессы. — 2017. — Т. 15. — № 2 (49). — С. 64–76.
3. Егоров, В. К. О культурной политике: к вопросу о моделях, практиках и вызовах // Культурная политика: от стратегии государства — к управлеченческим решениям организаций: Материалы Научно-методологического семинара «Культура и культурная политика» ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ (2020–2021 гг.). Выпуск 9. — М.: Издательство «Согласие», 2022. — С. 13–27.
4. Философия культуры в системе изучения международных отношений: монография. В двух книгах. Книга 1: Парадоксы исследовательской призмы. — М.: МГИМО-Университет, 2020. — 543, [2] с.
5. Астафьева, О. Н., Кириллова, Н. Б., Шлыкова, О. В. [и др.] Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024. — 242 с.
6. Ионесов, В. И., Хренов, Н. А. Беседа о смыслах и назначении культуры в эпоху социальной турбулентности // Сфера культуры. — 2022. — № 3 (9). — С. 113–128.
7. Дунас, Д. В., Гуреева, А. Н., Киреева, П. А. Формируя теоретическую рамку «культуры отмены»: концептуальные истоки и актуальные интерпретации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2023. — № 22 (6). — С. 70–81.
8. Тульпе, И. А., Смирнов, М. Ю. «Новая этика» как социальный диагноз // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6. — № 1. — С. 30–38.
9. Ленин, В. И. Партийная организация и партийная литература. URL: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/1905/09/part%20lit.htm> (дата обращения: 03.05.2024).
10. Астахов, Е. М. Мировая практика культурной дипломатии // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г. — СПб.: Издательство СПбГУП, 2008. — С. 244–246.
11. Лебедева, М. М. Развитие социальной и гуманитарной проблематики в международных исследованиях: российский ракурс // Вестник МГИМО-Университета. — 2018. — № 1 (58). — С. 7–25.
12. Табаринцева-Романова, К. М. «Новые» виды дипломатии XXI в.: культурная дипломатия в современном международном дискурсе // Научный журнал «Дискурс-Пи». — 2019. — № 3 (36). — С. 26–37.
13. Силантьева, М. В. «Мягкая сила» в формировании гражданственности // Духовно-нравственные аспекты формирования гражданственности / Коллективная монография

- (по материалам Всероссийской научно-практической конференции) / Под общ. ред. А. А. Лисенковой, М. Г. Писманика, П. Ф. Сироткина, А. А. Субботиной. — Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2021. — С. 67–76.
14. Щербакова, А. И. Коммуникативное пространство музыкальной культуры: к проблеме создания и функционирования художественно-эстетических каналов социокультурной коммуникации // Система ценностей современного общества. — 2015. — № 43. — С. 87–91.
15. Астафьева, О. Н. Смыслы культуры в контекстах и дискурсах культурной политики России // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения. — СПб.: СПбГУП, 2022. — С. 412–415.
16. Смирнов, А. В. Сознание как смыслополагание. Культура и мышление // Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение. — М.: Языки славянской культуры. 2015. — С. 167–237.
17. Данилов, А. Н. Современный многополярный мир — мир всечеловеческий, многоцивилизационный // Социологический альманах. — 2021. — № 12. — С. 15–19.
18. Гребнев, Р. Д. Теоретико-методологические аспекты роли и статуса центров geopolитического влияния в многополярном мире // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и geopolитика. — 2023. — № 2. — С. 3–18.
19. Будаев, А. В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. — 2015. — № 48. — С. 189–205.
20. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. — М.: Политиздат, 1990. — С. 319–344.
21. Шестопал, Е. Б., Скипин, Н. С., Лазарев, А. А., Порохова, Д. Д., Коноплев, А. Ю. Трансформация образа своей страны под влиянием политического контекста // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2022. — № 1. — С. 7–28.
22. Шестопал, Е. Б. Влияние психологического состояния российского общества на публичную политику // Политическая наука. — 2022. — № 3. — С. 181–202.
23. Силантьева, М. В. Пространственно-временной континуум в синхронных контекстах современных (художественных) практик: возвращение архаики? // Синхрония и модели смыслополагания в современной эстетике: V Овсянниковская международная эстетическая конференция, 27–28 ноября 2012 г. — М.: Издательство МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. — С. 39–47.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена теме, которая может быть охарактеризована как весьма актуальная в теоретическом отношении, и злободневная — в практическом. Хотя автор избегает примеров, которые могли бы восстановить конкретный политический контекст его рассуждений, читатель способен самостоятельно увидеть его. Статья в целом производит благоприятное впечатление, хотя она и нуждается в существенной доработке. В связи с тем, что объём текста (без библиографии) составляет всего 3,5 а.л., автор может расширить его, указав на место, которое занимает предлагаемая статья среди других попыток понять взаимосвязь художественного творчества и «народной дипломатии», сформулировав теоретические предпосылки анализа проблемы, продумав логику изложения материала. На последнем обстоятельстве следует остановиться, поскольку одним из главных недостатков статьи является отсутствие в

тексте сюжета. Непонятно, где исходные посылки автора, где полученные им выводы, ничего не изменится, если во многих фрагментах высказывания поменять местами. Это свидетельствует о том, что сам автор ещё не продумал свою мысль с должной отчётливостью, он зафиксировал свои соображения по мере их возникновения, но пока не привёл их в систему. По-видимому, отсутствие должной ясности приводит и к тому, что некоторые высказывания вообще трудно понять, например: «стратегии культурной дипломатии предполагают умение включать в позитивную повестку даже негативные подходы». Что автор имел в виду? Впрочем, подобных мест относительно немного. С формальной точки зрения, текст также производит в целом (на фоне многих других статей) благоприятное впечатление. В некоторых случаях вызывает вопросы «авторская пунктуация, например: «Не секрет: культура...», – какой смысл в этом случае вкладывается в предпочтение двоеточию перед привычным «что?» Ещё раз то же самое: «Отметим: даже в относительно...». Или, чем обусловлено написание «в периоды «неспокойные», почему нельзя было просто сказать «в неспокойные периоды...»? Укажем также на следующие недостатки: «не будет большим преувеличением напомнить» (вместо «напомнить» следовало поставить «сказать»); «международные процессы в сфере культуры, и культурная дипломатия в частности, имеет смысл интерпретировать как площадку» (нарушено согласование, следует поставить «культурную дипломатию», а вместо «интерпретировать» предпочтительнее использовать «понимать», интерпретация имеет дело только с текстами, пусть и самыми разными, но всё же не с «международными процессами»; в этом же предложении «приросту» следует взять в кавычки); «...определяются прежде всего их...» (почему нет запятых?), и т.п. Стилистических погрешностей немного. Так, необходимо заменить выражение «наиболее непосредственных представителей творческого сообщества», могут быть «более» или «менее» «непосредственные» представители? Последнее выражение текста («политической воле, генерируемой стороной аффилиации» также необходимо скорректировать, оно звучит «подчёркнуто бюрократично» и потому неуместно в научной статье. Несмотря на высказанные замечания, в тексте присутствует самостоятельное содержание, он может послужить основой для подготовки интересной статьи, рекомендую отправить его на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена художественному творчеству в культурной дипломатии, в публикации рассмотрены его возможности и границы применения.

Методология исследования базируется на обобщении сведений из научных публикаций по теме работы.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что в современных условиях развития международных отношений изучение возможностей и границ межкультурного взаимодействия в сфере искусства в условиях экономической, политической и социальной турбулентности становится одним из актуальных исследовательских вопросов.

Заявленная научная новизна рецензируемого исследования состоит в уточнении основных типов отношений творческой личности к включению ее профессиональной деятельности в рефлексивную и латентную международную политическую повестку.

В тексте статьи отмечается, что культурные контакты нередко демонстрируют удивительную стойкость художественной культуры по отношению к токсичным попыткам

политизации ее неполитического содержания, что имеет смысл понимать культурную дипломатию как площадку, которая дает место «приросту» оригинального культурного капитала каждого из участников международного взаимодействия. Освещена дискуссия между теми, кто разделяет приверженность идее неизбежно государственного «лица» искусства (в силу аффилиации со страной), и теми, кто осознанно считает свою деятельность достаточно далекой как от официального и неофициального аффилированного представительства. Авторы считают, что не всякое художественное высказывание обязано внутренне строиться по канонам политического, связь с социальным и культурным контекстом может быть более сложной, чем связь с контекстом политическим. Высказано мнение о том, что государственный контроль за этой сферой в турбулентные периоды усиливается, государственный механизм стремится застраховать себя от возможных рисков, а обеспечение гражданской лояльности особенно в сфере международных контактов предъявляет дополнительные требования: нельзя представлять свою страну, если она не является для представляющего безусловной ценностью. Отмечено, что в ходе развития международных контактов в сфере искусства обнаруживает себя парадокс сочетания политического и неполитического. по мнению авторов, потенциал культурной дипломатии по сохранению и продвижению культурного наследия может быть осмыслен в широком контексте налаживания культурных связей, а не только в призме решения сугубо инструментальных задач. Искусство как один из универсальных языков общения может способствовать выявлению условно вне-идеологических точек соприкосновения в поле международных контактов.

Библиографический список включает 23 источника – научные публикации отечественных ученых по теме статьи, на которые в тексте имеются адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

В качестве замечания следует отметить, что текст статьи не структурирован надлежащим образом, в нем не выделены и не озаглавлены такие общепринятые в современных научных публикациях разделы как: Введение, Материал и методы, Результаты исследования, Обсуждение полученных результатов, Выводы или Заключение.

Тематика статьи соответствует направлению журнала «Философия и культура», может вызвать интерес у читателей, однако требуется доработка представленных на рецензирование материалов в соответствии с высказанными замечаниями, направленными на улучшение статьи.